

УДК 1:001

ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ И ТРАНСГРЕССИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСКУРСА

Фаритов В.Т.

*ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет»,
Ульяновск, e-mail: vfar@mail.ru*

Предлагается онтологическая трактовка дискурса как конституирования пространства бытийно-смысловой определенности посредством установления перспектив смысла и существования. Универсальными онтологическими перспективами дискурса являются трансценденция и трансгрессия. В перспективе трансценденции осуществляется полагание единого бытийно-смыслового центра и раскрывается бытийное пространство фиксированной значимости. Устанавливаются четкие границы, отделяющие бытийно-смысловое пространство одного дискурса от других дискурсов. В перспективе трансгрессии осуществляется перевод дискурса в состояние бытийно-смысловой неопределенности, раскрывается пространство варьированности значимости. Происходит нейтрализация доминирующей бытийно-смысловой перспективы, вследствие чего дискурс становится неоднозначным, полифоничным, включающим множество гетерогенных перспектив. Границы между разными дискурсами становятся открытыми, проницаемыми и подвижными. В трансценденции устанавливается строгая иерархия между элементами дискурса: все возможные смыслы подчиняются доминирующей бытийно-смысловой перспективе (центру). В трансгрессии иерархический порядок между элементами дискурса устраняется, раскрывается возможность множественной бытийно-смысловой определенности.

Ключевые слова: дискурс, трансценденция, трансгрессия, способ бытия, горизонт, перспектива, множественность

TRANSCENDENCE AND TRANSGRESSION AS A PERSPECTIVE OF DISCOURSE

Faritov V.T.

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, e-mail: vfar@mail.ru

The article presents the ontological interpretation of discourse. Discourse is understood as the organization of the ontological space of definiteness which is done by establishing the perspectives of meaning and existence. Universal ontological discourse perspectives are transcendence and transgression. In transcendence approved by a single center of meaning and existence, organized by the ontological space of a fixed value. Sets clear boundaries separating the ontological space of one discourse to other discourses. In the transgression of discourse is being translated into a state of uncertainty, the space opens many options values. Is neutralized dominant perspectives of meaning and existence. Discourse becomes ambiguous, comprising a plurality of heterogeneous perspectives. The boundaries between different discourses are open and moving. In transcendence established a strict hierarchy between the elements of discourse: all possible meanings are subject to the dominant meaning and existence. In transgression eliminated hierarchical order between the elements of discourse.

Keywords: discourse, transcendence, transgression, a way of being, horizon, perspective, multiplicity

Задача предлагаемой статьи состоит в онтологической экспликации трансценденции и трансгрессии в качестве универсальных бытийно-смысловых перспектив дискурса. В онтологическом плане дискурс есть пространство бытийно-смысловой определенности. Каждый дискурс уже есть определенный способ бытия, поскольку устанавливает перспективу, определяющую возможные актуализации бытийно-смысловых векторов.

Начнем с характеристики трансценденции как онтологической перспективы дискурса. В первую очередь трансценденция выступает в качестве специфической перспективы большинства метафизических систем. В этом значении данный феномен детально проанализирован К. Ясперсом. Немецкий мыслитель выделяет три способа определения трансценденции. Логическая и реальная трансценденция предполагают

существование независимой от субъекта и сознания предметности, будь то математический идеальный или эмпирический предмет. Поскольку и в том, и в другом случае речь идет о том, что дано в качестве предметности, Ясперс предлагает определять и первый, и второй тип в качестве трансубъективности, отличая их от трансценденции собственно [5; с. 59]. Последняя представляет собой то, что пребывает по ту сторону всякой предметности [5; с. 73]. Близость кантовскому пониманию трансцендентного здесь очевидна. Как и для И. Канта, для Ясперса трансценденция отсылает к акту выхода за пределы всего предметного в непредметное.

Переосмысление и расширение данного феномена осуществляется в концепте трансцендентального означаемого Ж. Деррида, который выводит трансценденцию за пределы метафизики в область языка

[3; с. 136]. Метафизические категории сущего, единого, истинного и благого в проекте критики «логоцентризма» переосмысливаются в качестве языковых эффектов – возведения некоторых означающих в привилегированный статус трансцендентального означаемого, выполняющего функцию основания и центра бытия и означивания. Философские работы Деррида направлены на ниспровержение трансцендентального означаемого путем разоблачения его в качестве всего лишь означающего. Трансценденция, таким образом, сводится к комбинации означающих, установлению между ними иерархических отношений. Даже если рассматривать трансцендентальное означаемое как эффект комбинации означающих, для дискурса этот эффект имеет определяющее значение. Дискурс функционирует исходя из того отношения между элементами, которое установлено на основе сложившейся конфигурации. И именно возведение одного или нескольких элементов в привилегированную позицию трансцендентального означаемого полагает трансценденцию как перспективу бытия дискурса. Чтобы раскрыть фиктивность трансцендентального означаемого, к дискурсу необходимо подходить с деконструктивистских позиций, т.е. рассматривать его не в той перспективе, в которой действительно протекает его существование. Для самого дискурса в перспективе трансценденции трансцендентальное означаемое реально, а не фиктивно.

В целях дальнейшего прояснения феномена трансценденции в качестве дискурсивной перспективы продуктивным будет обращение к концепции языкового существования. Б.М. Гаспаров выделяет две взаимокоррелятивные тенденции жизни языка: тенденцию языкового материала к монадной раздробленности и тенденцию к аналогической интеграции [2; с. 214–220].

Первая тенденция, направленная на приспособление языка к уникальности конкретной ситуации, предполагает постоянную трансформацию и расхождение путей употребления языкового материала, растекание в разные направления и утрату определенности. Данные процессы постоянно уравниваются противонаправленными движениями интеграционного характера: аналогическими сближениями и притяжениями, позволяющими привести растекающийся разрозненный языковой материал к некоторому тождеству и единству. В рамках онтологического подхода такой непрерывный поиск интегрирующих факторов есть, по сути, перспектива трансценденции. Установка на восхождение ко все более интегрированному целому неизбежно при-

водит к несогласованности с налично-данным, которое таковым целым не является, но обнаруживает противоположные тенденции к ускользанию от интеграции. В такой ситуации интеграции остается только постоянно превосходить это налично-данное, выходить за его пределы, полагая интегрированное целое в трансцендентной, умопостигаемой области. И тем самым вскрывается недостижимость трансценденции, являющаяся лейтмотивом многих метафизических систем и получившая наиболее яркое воплощение у Канта и Ясперса.

Идеал полностью интегрированного целого, тотального единства в метафизическом срезе и есть идеал трансценденции. В сфере налично-данного подобный идеал неосуществим по причинам постоянной преобразуемости и вытекающей отсюда несводимости налично-данного к такому единству. Однако для дискурса имеет смысл, выражаясь в кантовской терминологии, и проблематически полагаемое высшее единство, поскольку оно все равно позволяет осуществить подчинение разнонаправленных векторов единой бытийно-смысловой перспективе. Тот факт, что окончательно интегрированное целое не может быть дано как налично-присутствующее, как некая позитивная предметность, не препятствует стягиванию элементов к единому центру в пространстве дискурса. Трансценденция и есть этот никогда не завершаемый процесс тяготения к центру.

Бытийно-смысловая перспектива трансценденции является горизонтом власти: именно здесь между центром и периферией дискурса устанавливаются вертикальные отношения господства. Центр начинает выражать полноту бытия, в то время как существование периферийных элементов носит все более призрачный характер по мере удаления от центральных областей. Центр значим сам по себе, воплощает принцип всеобщности, самоидентичности и самодостаточности. Периферия получает свой смысл-бытие исключительно от центра, ее существование состоит только в подчинении, служении, в представительствовании центра. Подобная перспектива является конститутивной для метафизических, религиозных и большинства идеологических и социально-политических дискурсов.

В метафизическом и религиозном дискурсах мы обнаруживаем в перспективе трансценденции все необходимые условия для противопоставления двух миров – когда центр становится настолько всеобщим, настолько всевластным, что он полагается вне рамок структуры, в потусторонней и недоступной области, откуда он осуществ-

влет свое незримое, но безапелляционное властвование. Посюстороннему миру навязывается фатальная недостаточность (тени в платоновской пещере, первородная греховность в христианстве как следствие отпадения от первоначала), требующая своего восполнения в обращении к потустороннему центру – тем самым власть последнего становится еще более незыблемой. В идеологическом и социально-политическом дискурсах такая перспектива создает условия для деспотических, монархических, тоталитарных идеологий и политических систем, а также для любых отношений и социальных институтов, выстроенных на принципе иерархии: правительство-народ, начальник-подчиненный, учитель – ученик, муж – жена, родители – дети и т.п.

Сильная перспектива (устанавливаемая дискурсом с сильным центром) стремится подчинить себе уступающую в силе – между дискурсами идет борьба за власть. В дискурс-аналитическом подходе Э. Лаклау и Ш. Муфф ситуация разрешения антагонизма между дискурсами посредством установления господства одного из них определяется как установление гегемонии [6; p. 134–145]. К тому, что заведомо не удастся подчинить собственной власти, дискурсы в перспективе трансценденции подходят с позиций нивелирования, *десемантизации и деонтологизации*.

Подводя итоги характеристике перспективы трансценденции, можно сделать следующие выводы:

1. Перспектива трансценденции характеризуется жестким подчинением периферии со стороны центра и экспансией по отношению к другим дискурсам. Трансценденция устанавливает двойную границу: между центром и периферией (в метафизическом варианте – граница между трансцендентным и имманентным) и между конституируемой центром бытийно-смысловой перспективой и перспективами, не поддающимися подчинению (негативное Иное). В соответствии с этим перспектива трансценденции осуществляет двойное нивелирование (десемантизацию и деонтологизацию): в отношении периферии и в отношении неассимилированных и неабсорбированных перспектив.

2. В перспективе трансценденции дискурсы конструируют бытийно-смысловое пространство однозначной определенности, фиксированной значимости – горизонт тождества и единства. Однако этот горизонт не является первичным или изначальным в онтологическом плане. Он представляет собой конструкт дискурса. Определенность, тождество и единство есть во многом

результат насилия, присвоения и подавления, ограничения: заключения в границы, подчинения центру и доминирующей бытийно-смысловой перспективе, исключения других перспектив.

3. Перспектива трансценденции антагонистична по отношению к перспективе трансгрессии, которая, в свою очередь, выступает в качестве разрушительной силы по отношению к трансценденции. Противостояние империи и варварства, оседлости и кочевничества может служить здесь хорошим примером.

Обратимся к рассмотрению перспективы трансгрессии.

Так же, как и трансценденция, трансгрессия непосредственно связана с феноменом границы. Однако трансценденция осуществляет полагание границы: фиксированный центр очерчивает и замыкает сферу своей репрезентации – бытийно-смысловую перспективу. Трансцендирующий переход есть утверждение границы, как и в метафизическом плане граница феноменального и ноуменального мира остается неустранимой независимо от возможности ее перехода (в метафизике Платона) или запрета на такой переход (метафизика И. Канта). Трансгрессия, напротив, предполагает нарушающий или стирающий границу переход [4; с. 117]. Трансгрессивный прорыв вопреки тому, что принадлежит наличному, в данном случае не есть выход к трансцендентной области бытия. Речь идет о выходе за пределы бытийно-смысловой перспективы того или иного дискурса, в пространстве которого устанавливаются критерии привычного, возможного и налично-данного.

Перспектива трансгрессии устанавливает принципиально иной способ соотношения центра и периферии, центра и границы, нежели трансценденция. Четкая противопоставленность центра и периферии устраняется за счет раскрытия множества смещаемых центров, временно локализуемых в любой точке дискурсивного пространства.

В перспективе трансгрессии единый центр отсутствует: в качестве временно локализуемого центра всякий раз может выступать что-то другое. В такой ситуации невозможно установление иерархических отношений между элементами дискурса, невозможно установление магистральной бытийно-смысловой перспективы, строго детерминированной единым (фиксированным или рассеянным) центром. В перспективе трансгрессии дискурс продуцирует множество гетерогенных, не имеющих онтологического приоритета друг перед другом перспектив.

Исчезновение единого фиксированного или рассеянного центра приводит к изменению статуса границы – она становится прозрачной и зыбкой. Этим она принципиально отличается от границы в перспективе трансценденции – четко очерченной и непроницаемой, устанавливаемой полновластным центром. Отсутствие четкой границы в перспективе трансгрессии приводит к перетеканию одного дискурса в другой, к невозможности определения границ одного и конца другого. Следствием этого становится образование сложной сети переходов и пересечений, уходящего в бесконечность лабиринта бытийно-смысловых перспектив. Но эта сеть не является фиксированной субстанциальной структурой, она есть *результат* непрестанного смещения, перетекания, схождения и расхождения, напоподобие игры света и тени, бега морских волн.

Из замены центра как основания властной структуры множеством локализующихся и делокализующихся центров вытекает смещение бытийно-смысловых акцентов с центральной области на границу. В режиме трансгрессии «граница с нечеткими контурами» (формулировка Л. Витгенштейна) образует особую зону бытийно-смысловой неопределенности, не поддающуюся приведению к тождеству и, соответственно, недоступную властным отношениям. Граница становится фактором бытийно-смысловой неразрешимости: невозможности выбора в пользу одной из множества (как минимум двух) гетерогенных перспектив. Вместо перспективы фиксированной значимости, горизонта тождества и определенности раскрываются перспективы «с убегающим горизонтом» (Р. Барт), делающие любую определенность невозможной. Все становится многомерным и многосмысленным, в одной перспективе всегда можно обнаружить следы другой (других), в которых, в свою очередь, обнаруживаются следы других перспектив. Трансгрессия переводит дискурсы в полифоничный план существования [1]. Полифоническая неопределенность является следствием множественности, открытости, подвижности, неиерархичности, одновременности и пересеканности перспектив.

Трансгрессия, таким образом, не является выходом к особой «антидискурсивной» сфере бытия, противопоставленной дискурсивной по схеме метафизической теории двух миров. Трансгрессия всегда является трансгрессией дискурсов, нет трансгрессии самой по себе, без предварительно установленной дискурсом границы бытийно-смысловой определенности. Трансгрессия предполагает отказ от власти, определенности

и точного знания, от проекта (в значении, которое придал этому термину Ж.П. Сартр). Но совершается этот отказ только на материале дискурсов и через них. Дискурсивные перспективы не фиксированы и не изолированы сами по себе. Трансгрессия осуществляет *нейтрализацию* фиксированных и изолированных бытийно-смысловых перспектив. Нейтрализация означает не устранение, но разоблачение – не выход к истине, но вскрытие фиктивности и конструктивности любой перспективы, в особенности фиксированной и изолированной, находящейся во власти единого центра (деспотического означаемого в терминологии Ж. Деррида). Вместо однозначной определенности трансгрессия устанавливает свободное варьирование значимости, удаление от инвариантности. Мы остаемся в пространстве дискурсов, поскольку нам некуда выйти за их пределы, кроме как к другим дискурсам. Но бытийно-смысловые перспективы утрачивают свою фиксированность, замкнутость и центрированность. Обнаруживается взаимопроницаемость, сообщаемость перспектив по отношению друг к другу.

Трансценденция устанавливает границы, чтобы была возможна четкая определенность и самотождественность, иерархия, порядок фундирования и репрезентация. В перспективе трансгрессии освободительная из-под гнета трансценденции имманентность перестает быть всего лишь негативом трансценденции, перестает быть членом бинарной оппозиции «имманентное – трансцендентное». Имманентность не является больше тем, чем пыталась представить ее трансценденция: требующим восполнения недостатком. Она становится *избытком*, который как таковой не может быть приведен к тождеству, иерархии, фундированию и репрезентации. Избыток превосходит любое тождество, делая его нетождественным самому себе, – он переливается через край, он всегда не то, что оно есть, и не то, чем оно может быть, но *то, чем он не может быть, но все-таки становится им*. Избыток обрушивает любую иерархию, поскольку не позволяет чему-либо быть только тем, что подчинено тому, что стоит над ним.

Таким образом, в перспективе трансценденции дискурсы характеризуются полаганием единого центра – опорного концепта, узловой точки или трансцендентального означаемого. Трансценденция раскрывает пространство определенности и фиксированной значимости, исключающей другие бытийно-смысловые возможности. Трансгрессия, напротив, предполагает переход дискурса в состояние бытийно-смысловой

неопределенности путем нейтрализации доминирующей бытийно-смысловой перспективы и раскрытия пространства удаляющейся от инвариантных структур варируемости значения и значимости. Все становится не одинаково лишенным смысла, но находящимся на пересечении множества смыслов, позиций и способов бытия, из которых невозможно сделать окончательный выбор, генерировать однозначную определенность. В такой перспективе выявляется полифоничность, многомерность, неоднозначность и открытость дискурса – все те характеристики, которые постструктуралистски ориентированные подходы с помощью деконструктивистской методологии раскрывали как имплицитированные в дискурсе. В перспективе трансгрессии данные характеристики выходят на передний план, составляя способ существования дискурса, в связи с чем необходимость в деконструктивистских операциях исчезает. Трансгрессия – это не лежащая в глубине сущность и истина любого дискурса, но один из способов бытия дискурса, существующий наряду с трансценденцией.

Список литературы

1. Бахтин М. Проблема поэтики Достоевского. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 608 с.
2. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.

4. Фуко М. О трансгрессии // Танаграфия Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 111-133.

5. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. – М.: «Канон+», 2012. – 384 с.

6. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 2001. – 198 p.

References

1. Bahtin M. *ProblemapojetikiDostoevskogo* [Problem of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2007. 608 p.

2. Gasparov B.M. *Jazyk,pamjat',obraz. Lingvistikajazykovogoshhestvovaniija*. [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 352 p.

3. Derrida J. *Ogrammatologii*. [About grammarology]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 512 p.

4. Foucault M. *Otransgressii*. [About transgression]. Sank-Peterburg, Mifril Publ., 1994. p. 111–133.

5. Jaspers K. *Filosofija. Knigapervaja. Filosofskoeorientirovaniev mire*. [Philosophy. The first book. Philosophical orientation in the world]. Moscow, «Kanon+» Publ., 2012. 384 p.

6. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 2001. 198 p.

Рецензенты:

Волков М.П., д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет», г. Ульяновск;

Чекин А.Н., д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет», г. Ульяновск.

Работа поступила в редакцию 06.10.2014.